

Информированность наших читателей растет с каждым днем. Публикации на тему популярной музыки стали довольно регулярными, хотя, как все еще считают многие, их интенсивность могла быть более высокой. Тем более интересным нам представляется разговор с человеком, который в полном смысле слова стоял у истоков отечественной рок-музыки. Уверен — в специальном представлении его нет необходимости. Александр ГРАДСКИЙ — певец, поэт, композитор, музыкант, свободно владеющий многими инструментами. Автор ряда песенных сюит (среди них — «Сама жизнь» на стихи П. Элюара, «Сатиры» на стихи Саши Черного, «Ностальгия» на стихи В. Набокова), оперы (приставка «рок» здесь не обязательна) «Стадион», музыки к кинофильмам «Романс о влюбленных», например. Блестящий исполнитель, свободно владеющий огромным вокальным диапазоном. Превосходный интерпретатор, сумевший органично объединить народный фольклор со стилистикой рока (альбом «Русские песни»). Председатель Московского рок-клуба. Постоянный ведущий «Хит-парада» радиостанции «Юность»... Наконец, интересный собеседник с нестандартными суждениями. Возраст — 38 лет, из них 24 года отданы сцене.

— Кем вы себя считаете в первую очередь: композитором или певцом все-таки?
— Я уже сейчас запутался. Конечно, не певцом, это точно. Сначала я был певцом, потом стал писать стихи на свою музыку. Вообще стихи я писал давно, но очень редко их пел. Это все должно быть на высоком профессиональном уровне, и тогда я выигрываю как личность. Если что-то я делаю не очень хорошо, значит, проигрываю.

— А как строится сейчас ваша сольная программа?
— Полтора часовое выступление с гитарой. Аппаратуры никакой нет, да и не было никогда.

— Но вы очень много работаете в студии...
— При отсутствии аппаратуры это единственный выход. Я действительно записал очень много вещей, и сейчас все они выходят в свет, причем старые, записанные восемь-десять лет назад. Получается своеобразная антология, чего я и добивался. Магнитофонные записи мне неинтересны. Неинтересно, чтобы меня крутили в машинах...

— Ну, этого и не будет, могу вас успокоить.
— Нет, крутят иногда одну-две вещи. Меня это, кстати, радует. Сейчас выходит пластинка «Размышления шута», это записи, которые я датирую 1971—1974 годами. Это была первая попытка на русском языке спеть рок-музыку в разных жанрах — барокко-

рок, хард-рок, прообраз «металла» какого-то будущего. Но, правда, посложнее: то, что мы играли в начале семидесятых, как «Скорморохи», конечно, гораздо сложнее, чем сегодняшний «металл». Мне тогда было очень интересно, как это все будет звучать на русском языке. Сейчас ведь все забыли, что тогда рок-музыку никто не исполнял на русском, а я спел, и теперь практически все группы считают, что только так и нужно.

— Когда-то в «Советской культуре» вы говорили, что русский язык вполне приспособлен для рока...
— Я говорил, что нужно искать такие обороты в русском языке, которые были бы созвучны музыкальному ряду. Это и есть работы со словом, со стихами. Кстати, в английском есть масса стихотворных произведений, которые наверняка не легли бы на рок-музыку.

— Хорошо, а что такое, по-вашему, рок-музыка вообще?
— Прямо так, сразу?.. Это музыка, в которой подчеркнута активная ритмика, и только этим она отличается от всех остальных. Дело только в ритме и, может быть, в содержании стихов.

— Социальную сторону рока вы отрицаете — как отражение в музыке сиюминутной действительности?
— Любая музыка отражает сиюминутную действительность.

АЛЕКСАНДР ГРАДСКИЙ:

ПОСТАРАЙСЯ СЕБЯ НЕ ТЕРЯТЬ

— Но любая музыка остается во времени, а рок очень быстро устаревает...
— Точно так же, как и остальная музыка. Как вы думаете, сколько композиторов было в Германии во времена, скажем, Бетховена? Гораздо больше, чем известно нам! Они исчезли, как исчезают и многие сегодняшние рок-кумиры, но кто-то же остается! Остаются те, кто наиболее полно отражает, что есть музыка. Классика есть в любом жанре. В оперном, скажем, остаются Бизе, Мусоргский, Вагнер, но мы не помним каких-то других авторов, которые тоже писали оперы в то время, — их произведения нам сейчас неинтересны. Со мной очень трудно спорить в этом аспекте, потому что исторические доказательства налицо. Любые примеры приводите — в балетной музыке, симфонической. Вот, например, Мясковский написал 26 симфоний. Практически ни одну мы не слышим, кроме последней, и ту очень редко. В то же время Прокофьев написал не так много симфоний, но все — они исполняются. И тот, и другой в свое время были весьма уважаемыми авторами... Для меня рок-музыка со временем занимает определенное место в жизни — не больше и не меньше, чем Бах или Гайдн. И я этому очень рад, несмотря на то, что был одним из первых, кто в нашей стране играл рок. Впрочем, понятно, почему уважаемая часть молодежи так огульно отрицает другую музыку. Во-первых, в силу своего, что называется, «неразвития» — это

уж ваши информационные средства постарались...
— Спасибо.

— На здоровье. Уж за столько лет из человека можно было выбить любые потуги к знаниям!

— Я вообще-то преподаватель консерватории...
— Тем более! Там в этом тоже преуспели. И сейчас пожинают свой почин. Наши «бородатые мэтры» так насадили классику в плохом исполнении, полностью и огульно отрицая даже самое хорошее, что есть в рок-музыке, что большинство молодых людей из чувства протеста практически отвергают все ценности. Мало читают. Информации много — фантазии и образного мышления чрезвычайно мало. Правда, здорово развиты напор и чувство протеста — мне как раз нравится в людях эта активность. Пусть самовыражаются, даже такая «козу» в лицо гитаристу. Я убежден, что чувство протеста — это основополагающий базис любых действий молодого человека. Он, даже не зная сути своего вызова, «про что»,

бывает, кто-то предпочитает не развивать. Чем отличается сегодняшнее поколение молодых людей от того поколения, которое я помню и которое сам в какой-то степени представляю? Мы имели идеалы. Мы четко знали: да, были ошибки, но нужно идти вперед, нужно бороться за красоту, за искусство, в конце концов. Большинство сегодняшних ребят, мне кажется, глубоко циничны. Что ж поделаешь, мы сами виноваты. Но когда молодежь обвиняют в инфантилизме — это кто-то очень неудачно шутит. Сегодняшние ребята прекрасно знают, что им нужно в жизни, как надо себя вести. Кто-то, будем так говорить, «отвязанный» полностью, надевает на себя металлические заклепки, приходит на концерт и хлопает до одури все равно кому, кто бы не играл. Но, как и в любое время, существуют еще и интеллектуалы, люди молодые, но развитые, из хороших побуждений воспитанные родителями... Очень важно, какое в доме было отношение к книгам,

практически невозможно переоценить. В чем тут загадка? В том, что эти люди, будучи изначально обуреваемы талантом и идеями, попали в руки настоящего музыканта, который смог им сказать: ребята, вот этого в вас не надо, а вот это в вас же давайте развивать... Джаз, например, существенно отличается от законов классической музыки. А рок — нет. Рок-музыка — это дочь, племянница или падчерица нормальной классики... Это истовость и удивительное соединение органики человека с ритмом как таковым. Бой барабанов, пляски древних племен... Активная ритмика и пугает противников рок-музыки, потому что взрывает информационную броню, которой они заслоняются от жизни. Вся старая музыка была рассчитана на человека без брони, поэтому ей не нужна была активная ритмика, это даже считалось дурным тоном. А поскольку сейчас человек в силу такого огромного количества информации загоролдился броней, классика может проникнуть в него только через маленькую дверцу и только в лучшем исполнении — иначе дверца не откроется. Обратите внимание, как много общего между «Болеро» Равеля и рок-музыкой — по одному принципу все построено.

— Но это шаманство?!
— Но — все шаманство! А литература разве нет? Да любое искусство. Ведь оно, практически, — умение управлять людьми на расстоянии: помню того, что вы самовыражаетесь, вы еще и заставляете мысли людей двигаться в определенном направлении, ведете их за собой либо в бездну, либо к солнцу. А рок-музыка не спрашивает разрешения, а просто взламывает защитную вашу броню. Мне могут возразить, что при такой системе оценок любая, даже самая примитивная, музыка через активную ритмику может войти в человека, поселиться в нем и воспитывать его не в лучших традициях. На это я отвечаю: убежден, что такая музыка обязательно из него выйдет. Все-таки чувство прекрасного, чувство изящного в нашем человеке неистребимо.

— Как вы считаете, насколько вы своей работой отвечаете потребностям сегодняшнего дня? Как удается вам сохранять стабильность?
— Наши «классики» считают меня лидером «всего этого», а шпана тринадцатилетних называет меня «старым пиджаком». Очень веселая история... (Смеется).

— Вы стояли у истоков нашей рок-музыки. Сейчас, по прошествии стольких лет, как бы вы определили понятие «рок»? Это образ мысли, поведения...
— Да. Образ мышления, образ поведения. Плюс к этому — образ на сцене. Неверно думать, что «Алиса» — это рок, а Градский — это не рок. Раз уж на то пошло, то Бетховен — это такой рок! Или Мусоргский в «Картинах с выставки» или «Песнях и плясках смерти» — до такой рок-музыки Гребенщиков и «Алиса» никогда в жизни не дойдут! Идея Гребенщикова, Кинчева или «Странных игр» — все это очень интересно, но меня не оставляет впечатление, будто все это недоделано до конца, недоиграно так, как следовало бы.

— С теми же «Битлз» и «Стоунс» с самого начала работали высокого класса музыканты. Возьмите великую группу «Битлз» и «разберите» каждого музыканта в отдельности. Только объективно. Ведь это средний уровень. Очень средний уровень вокала, весьма средний уровень поэзии, средний уровень исполнительства. Но! Высочайший уровень музыкального тематизма. А вместе все это представляет собой настолько гениальное явление — и музыкальное, и поэтическое, и исполнительское, что его

протестует первоначально, в принципе. А уж потом начинает выбирать, против чего.

— И поэтому слушает рок-музыку?
— Он слушает то, что не разрешают, то, что ругают. Вот, например, откуда столько «металлистов»? Только потому, что в последнее время стали ругать «металл». Завтра начнут ругать какое-нибудь другое направление, и вся эта бездумная публика тут же переключится.

— Вы не любитель «металла»?
— Нет, я люблю любую музыку. Просто я играл его году в семидесятые, только изряднее, пластичнее, будем так говорить. Но, может быть, в том и состоит удовольствие публики от «металлического» рока, что он намеренно непластичен, намеренно ограничен, намеренно примитивен? Может быть, для людей непластичных по свойствам своей души эта музыка и является своеобразной отдушиной. Когда человеку нужно, чтобы движения его души были изрядными, он может и в рок-музыке найти для себя нужные примеры. Но когда человек, что называется, примитивно образован, ему как раз и нужно это воссоединение собственного примитива с теми, которые подают ему «металлический» рок.

— А вы вообще верите в духовный потенциал нашей молодежи?
— В любом поколении должен быть и обязательно заложен духовный потенциал. Просто кто-то его раз-

вело, кто-то предпочитает не развивать. Чем отличается сегодняшнее поколение молодых людей от того поколения, которое я помню и которое сам в какой-то степени представляю? Мы имели идеалы. Мы четко знали: да, были ошибки, но нужно идти вперед, нужно бороться за красоту, за искусство, в конце концов. Большинство сегодняшних ребят, мне кажется, глубоко циничны. Что ж поделаешь, мы сами виноваты. Но когда молодежь обвиняют в инфантилизме — это кто-то очень неудачно шутит. Сегодняшние ребята прекрасно знают, что им нужно в жизни, как надо себя вести. Кто-то, будем так говорить, «отвязанный» полностью, надевает на себя металлические заклепки, приходит на концерт и хлопает до одури все равно кому, кто бы не играл. Но, как и в любое время, существуют еще и интеллектуалы, люди молодые, но развитые, из хороших побуждений воспитанные родителями... Очень важно, какое в доме было отношение к книгам, практически невозможно переоценить. В чем тут загадка? В том, что эти люди, будучи изначально обуреваемы талантом и идеями, попали в руки настоящего музыканта, который смог им сказать: ребята, вот этого в вас не надо, а вот это в вас же давайте развивать... Джаз, например, существенно отличается от законов классической музыки. А рок — нет. Рок-музыка — это дочь, племянница или падчерица нормальной классики... Это истовость и удивительное соединение органики человека с ритмом как таковым. Бой барабанов, пляски древних племен... Активная ритмика и пугает противников рок-музыки, потому что взрывает информационную броню, которой они заслоняются от жизни. Вся старая музыка была рассчитана на человека без брони, поэтому ей не нужна была активная ритмика, это даже считалось дурным тоном. А поскольку сейчас человек в силу такого огромного количества информации загоролдился броней, классика может проникнуть в него только через маленькую дверцу и только в лучшем исполнении — иначе дверца не откроется. Обратите внимание, как много общего между «Болеро» Равеля и рок-музыкой — по одному принципу все построено.

Вел интервью Евгений БЫЧКОВ, обозреватель «Камертона».